

УДК 811.512.142

Научная статья

DOI: 10.35330/1991-6639-2021-6-104-260-267

МЕМУАРНЫЕ ПРАКТИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А. УРУСОВОЙ)

Ф.Т. УЗДЕНОВА

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360000, Россия, Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. На материале творчества А. Урусовой предпринята попытка идентифицировать формальные признаки и свойства *мемуарного факта* и обосновать целесообразность обращения к нему в целях репрезентации авторского замысла и суггестивной роли первичной реальности. Исследованы художественные тексты поэтессы, имеющие фактологическую основу, – начиная с определения устойчивых смысловесущих концептов до дескрипций биографического контента, рассмотрен феномен авторской личности с позиции объективного внедрения в сюжетную ткань произведения фактов, обладающих необходимым информационным ресурсом, позволяющим воспринимать то или иное явление как безусловную реальность, но также как этнический маркер.

Методы исследования: структурно-типологический, семиотический, метод лингвистического анализа.

Ключевые слова: текст, автор, карачаево-балкарская поэзия, А. Урусова, мемуарный факт, документалистика, этнический компонент

Статья поступила в редакцию 30.11.2021

Принята к публикации 14.12.2021

Для цитирования. Узденова Ф.Т. Мемуарные практики в художественном тексте (на примере творчества А. Урусовой) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 6 (104). С. 260–267. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-6-104-260-267

В литературоведении существуют разные точки зрения на суть присутствия факта в художественном произведении, проблемы соотношения факта и вымысла, определения жанровых границ подобных произведений и других проблем, связанных с выявлением роли и места факта в художественном и нехудожественном текстах (очерк, документальная проза, мемуарная литература, публицистика и др.).

Механическое соотнесение факта с исключительно историческим дискурсом представляется не вполне корректным, поскольку понятие факта терминологически предполагает метаподход и более широкую трактовку, начиная с обозначения «действительное вполне реальное событие, явление» [4, с. 736] до «отражения в тексте любого аспекта действительности» [3]. «...Сочетание достоверных фактов и вымысла – это исторический очерк, который подчиняется законам жанра. ...Хотя в литературе и существуют исторические очерки, литература на историческую тему может использовать любой жанр, правда, сочетание исторического факта и литературного вымысла в других жанрах будет отличаться от того, который мы видим в очерке... М.Н. Загоскин, представляя читателю свой новый роман, предупреждал его «не забывать, что исторический роман – не история, а выдумка, основанная на истинном происшествии». А.С. Пушкин признавался: «Карамзину следовало в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени» [2].

Корректное обращение с фактом – показатель уровня зрелости и мастерства автора. Ознакомление с письмами-рецензиями А. Твардовского-редактора приводит к выводу о необходимости повышенной ответственности в использовании факта как композиционного приема в художественном тексте. «Примером подхода Твардовского к факту является его замечание одному из авторов, связанное с искажением факта... «В “Осеннем утре” – нехорошо, что уже осень, “гуси летят на юг”, т. е. поздняя осень, а “в поле – ржаное раздолье хлебов налитых”. Так не бывает. Поэзия должна быть в высшей степени точна в таких случаях» [3]. Речь, понятно, идет о требованиях к факту литературного произведения, и они, как очевидно, не снижены, оставаясь в одной плоскости с требованиями к факту нехудожественного текста. Как в свое время отмечено А. Твардовским, ошибки и допущения в «фактическом» сегменте «вливают на разные формально-содержательные стороны текста, поэтому стоят в ряду наиболее существенных, наносящих значительный ущерб произведению. И напротив, глубоко продуманная и разработанная фактическая основа текста приводит, как писал редактор, к очень важному результату – «живому достоверному впечатлению, которое нельзя подменить общим, хотя бы и вполне благонамеренным, но “головным” построением». Твардовский ждал встречи с таким фактом в литературе, который, выйдя из реальности, возвращается в нее, став фактом самосознания читателей, и приводит к «приращению», «обогащению» реальности» [3].

Исследование тенденций развития национальных литератур Северного Кавказа, процессов их взаимодействия, этнокультурных особенностей актуализирует проблему осмысления фундаментальных закономерностей литературного процесса, создает предпосылки для решения вопросов, связанных со спецификой той или иной субкультуры, формированием художественно-эстетического мышления, адаптированного к современности и в то же время сохраняющего этноидентификационные признаки. Для решения данной проблемы целесообразным представляется рассмотрение феномена авторской личности с позиции объективного внедрения в сюжетную ткань произведения фактов, обладающих необходимым информационным ресурсом, позволяющим воспринимать то или иное явление как безусловную реальность, но также и как этнический маркер.

Наглядным примером демонстрации вышеозначенного служит литературное творчество карачаевской поэтессы Аминат Мудалифовны Урусовой (1911–1995). Возросшие возможности художественно-ассоциативного воспроизведения реалий, а также привлечение нарративных и архивных источников определили вектор исследовательской мысли в указанном секторе. Антропологическое измерение и мемуарное начало явились приоритетными средствами в решении проблем, связанных с репрезентацией представлений о «человеке в социуме».

В одном из ранних стихотворений «Къызыл Къарачайны редакциясында» («В редакции «Красного Карачая»), состоящем из, казалось бы, банального, на первый взгляд, перечисления имен карачаевских писателей и журналистов, поэтесса отходит от автологической лексики информационного минимума и обращается к формам живой выразительной речи – главному идентификационному маркеру:

... Унутмазма Иссаны, –
Къарачайны тулпарын, –
Эжиу эте джырыма,
Манга къанат такъгъанын [8, с. 9].

... Не забуду Иссу, –
Тулпара (богатыря – уточ. – Ф.У.) Карачая, –
(то, как) Подпевая моей песне,
Он дал уверенности (в начинаниях – уточ. Ф.У.) (букв. «прикрепил, подвесил мне крылья»).

Данный текст в своей основе – фактическая калька традиционного эпического зачина-знакомства с группой действующих лиц, характерного главным образом для богатырского эпоса как Северного Кавказа, так и практически всех развитых фольклорных систем. Надо сказать, в поэтических текстах, принадлежащих национальным литературам, даже прямой дубляж фольклорных единиц таковым не ощущается. В этом смысле стихотворение А. Урусовой даже отдаленно не напоминает читателю какой-либо народный текст. Более того, автор в нескольких эпизодах внедряет в описываемое детали сугубо современные, включая объекты техногенного происхождения и лексические заимствования: «...На телефоне его рука», «...Все они корректоры», «... (то) Время в редакции» [8, с. 7–10]. Такие представления напрямую восходили к практикам идеологической ангажированной поэзии 20–30-х годов, что еще более скрывало фольклорную составляющую стихотворения.

Несмотря на наличие маркированных элементов художественного сознания поэзия А. Урусовой в целом сохранила принцип достоверности и мемуарной «подачи» – персоналии, представленные в произведении, – известные карачаевские писатели, журналисты, интеллигенция, пассионарии с богатой творческой биографией, связанные непосредственно общностью интересов с автором произведения (на момент написания стихотворения А. Урусова являлась сотрудником газеты «Къызыл Къарачай» («Красный Карачай»), произведение адресовано коллегам).

Подчеркнутая тяга к реалистичности, подтвержденной на всех уровнях отражения, фактурному рисунку видится одной из сторон специфического национального характера мировосприятия. Способов адресации сознания читателя к миру материальных объектов у А. Урусовой было предостаточно. Это могло происходить с помощью обращений к бытовым деталям и конкретике хозяйственной деятельности:

...Билмей эдим санга дери
Тилибизни дамлылыгъын,
Керти сёзле бегитирин
Кёблени да адамлыгъын [8, с. 11].

...Не знала я до тебя
Вкуса (сок) нашего языка,
(то, как) Слова правды укрепляют (возможно, пестуют/взрачивают)
Человечность многих.

«Устазыма» («Учителю»)

Этнический акцент видится в любой попытке отказа от отвлеченной образности, не подкрепленной материальным ощущением, в любом семантическом периоде, стремящемся к наполненному физиологической информацией сензитивно насыщенному описанию:

...Кёб айландым, кёб мычыдым,
Ауур джюклени аркъалаб,
Къолума къалам алалмай,
Кюн аманлагъа мен къараб... [8, с. 13].

...Много бродила я, много медпила,
Взвалив на спину тяжелый груз,
Не в состоянии взять в руки калам (перо),
Глядя на тяжелые-плохие дни...

Надо сказать, автобиографическое стихотворение «Салынган эди да чынарым» (Отцвела моя чинара...) выразительно глубоким философизмом, пронизано переживаниями «израненной» души, граничащими с отчаянием и пессимизмом:

Юзюлгенди энди чыдамым,
Саркъайгъанды, азды заманым,
Салыннган эди да чынарым
Къайнамай къалырма къазаным? [Там же].

Оборвалось уже мое терпение,
Поредело, мало у меня времени,
... Не задымится (быть может) мой казан?

Элементы специфического этнообразного представления, опирающегося на особенности карачаево-балкарского языка, тяготение к уникально-конкретной объективации явлений мы наблюдаем и в стихотворении «Устазыма» («Учителю»).

... Эсимдеди элчилени
Джазма джаза башлаулары,
Къара ауну кёзлеринден,
Къууанч эте, ташлаулары... [8, с. 11].

... В памяти односельчан
Первые попытки написать строку,
Черной тени со своих глаз,
Радуюсь (пребывая в радости), снятие...

Стихотворение посвящено одному из известных деятелей мусульманского просветительства И.Я. Акбаеву, автору «Учебного пособия первоначального обучения детей письму и чтению» на карачаево-балкарском языке» (1910), переводчику с арабского языка («Иман-ислам», «Зикир о пророке»).

Информация о вышеназванном и других прогрессивных деятелях карачаевского народа представлена в мемуарах А. Урусовой «Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках», 1975) [7] – книге, принесшей автору большой успех и признательность читателей. В своей рецензии на книгу известный карачаевский писатель Мусса Батчаев отмечал: «Автор непринужденно и содержательно, естественным, доверительным тоном, истинно народным карачаевским языком, так выгодно отличающим представителей старшего поколения от всех нас, более поздних литераторов, рассказывает о прошлом Карачая, о времени и людях, которых хорошо знала. В работе присутствует ничем не заменимый опыт много повидавшего, о многом думавшего человека, способного при этом точно отразить на бумаге строй своих мыслей и чувств» [1]. А. Урусову по праву считают основоположником мемуарного жанра в карачаевской литературе.

Другая категория мемуарных практик – это соотнесение с контентом героического содержания – главным образом, поэзия, связанная с темой Великой Отечественной войны. В северокавказской художественной литературе в числе произведений с фактологической документальной основой – «Залихат» Х. Байрамуковой, «Память» И. Машбаша, «Кырлу» С. Капаева, «Знамя» К. Кулиева, «Охранник леса», «Алим» С. Гуртуева и др. Прототипами героев явились подлинные участники трагических событий 1941–1945: прославленная карачаевка Залихат Эркенова (она же явилась прототипом героини И. Боташева в пьесе «Подвиг горянки» и образа Зайнаф в романе О. Хубиева «Аманат»), ногайка Крымхан Мижева, героиня Советского Союза адыгеец Хусей Андрухаев, балкарец Алим Байсултанов и др. Многие произведения написаны в жанрах послания и посвящения. К примеру, у К. Отарова: «Поэтни белгисиз къабырына» («Поэта безымянная могила», 1943) о талантливом поэте А. Будаеве, «Сени жашауунг учхан жулдузча» («Твоя жизнь подобна комете», 1943) о чекисте Хасане Асанове, другу и соплеменнику К. Кулиеву адресовано стихо-

творение «Тенгиме сёз» («Моему другу», 1942), кабардинскому поэту А. Кешокову – «Булбулла» («Соловьи», 1942), баллады А.-В. Сулейманова «Умар Паша» и «Герой Днепра». В 50–60-е годы прошлого столетия создаются поэмы «Шохлукъ» («Дружба») О. Хубиева (посвященная памяти фронтового товарища – «Аскерчи тенгиме М. Лебедевге» («Фронтовому другу М. Лебедеву»), «На могиле друга» Х. Ашинова, «Память» И. Машбаша, «Друг мой» А.-В. Сулейманова.

К концу 1960-х в северокавказской поэзии появляются произведения, авторы которых пережили свое детство и отрочество в тяжелые годы войны («Баллада о седой матери» и «Таулу жашчыкъ» – «Мальчик-горец» К. Отарова, «Сата» Б. Тхайцукова, «Урлангъан ажжал» – «Похищенная смерть» М. Атабаева, «Терт алма терек» – «Четыре яблони» С. Гуртуева). По форме это преимущественно поэмы-исповеди, лирические монологи, поэмы-посвящения.

Есть произведения, составляющие сплав лирической поэмы с поэмой-воспоминанием. Примером таковой может служить поэма карачаевской писательницы А. Урусовой «Согулмагъан къыл къобуз» («Умолкшая скрипка», 1969) [8, с. 26–63], посвященная брату – защитнику Сталинграда, музыканту, собирателю народных песен и наигрышей, композитору Исхаку Урусову. По сути, это широкоформатное мемуарно-биографическое полотно. Состоит из 9 глав. Автор знакомит с жизнедеятельностью одаренной личности – с детских лет и до дня героической гибели в Великую Отечественную войну. Повествование ведется в тоне задушевной беседы-воспоминания («...и помнится белая войлочная шляпка твоя, сидевшая, как бабочка на цветке, и бег твой каждодневный к буйной фореальной реке...»); взволнованный диалог с тем, кто уже не услышит ее:

Дыгаласды мени ишим,
Эштмезликге хапар айта,
Тапмазма энди кёрюшюу,
Нек турама санга къайта?

Увы, пытаюсь найти облегчение в самообмане,
Веду разговор с тем, кто не услышит меня,
Не вернутся дни минувшие, не свидеться нам никогда.
Так почему же так часто возвращаюсь к тебе?

Последовательно раскрывая путь героя, автор акцентирует внимание на ключевых моментах биографии. Так, приезд Исхака в Краснодар представляется «путевкой в большую жизнь», к самоопределению. Встреча с пожилым музыкантом Сергеем, разглядевшим в мальчике-гореце недюжинные музыкальные способности, являет собой завязку [6, с. 59]. Сцена прощания Исхака с учителем составляет кульминацию произведения:

Узун бармакъла батдыла
Кенг мангылайда чачына,
Аякълары да тартына,
Кючден силкинди аллына.
Баш тилегим олду мени:
Джарытсын джарыкъ эллени
Бу шахарда джаннган чыракъ, –
Таймасын кенг джолдан Исхакъ...

Пальцы длинные утонули
В седине над высоким лбом,
И двигая слабыми ногами,
Он встал с трудом и сделал шаг вперед.

Главное желание мое таково:
Пусть освещает ярко аулы
Огонь, зажженный в этом граде,
И не сходит Исхак с широкой дороги.

Поэтесса повествует о неутомимом кропотливом труде музыканта, собирателя старинных песен.

Джазгъан эдинг, арымайын,
Тау джырланы ноталагъа...

Без устали писал ты,
Перекладывая горские песни на ноты.

...Вторая и последняя встреча Исхака с учителем состоялась несколько лет спустя, незадолго до войны...

Поэма А. Урусовой «Умолкшая скрипка» насквозь биографична. Чувствуется, что писал ее человек, глубоко переживший безвременную кончину близкого.

Озса да къадар заман,
Эсимде тураса хаман...
О табылмазлыкъ къарнашым, –
...Кёз туурамда тагъылыбды
Согъулмагъан ол къыл къобуз...

Сколько бы времени ни прошло,
Ты всегда в моей памяти (моих мыслях)...
О брат мой, ушедший безвозвратно,
...Перед моими глазами висит на стене
Замолкнувшая скрипка твоя ...

В книге мемуаров А. Урусовой «Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках», 1975) (очерк «Исхак Урусов») [7] приведены достоверные факты из биографии героя, а также материалы из СМИ и других, в том числе архивных, источников. Касательно фронтовой биографии – комбат Урусов пал в боях за Сталинград. «...24 августа командир курсантского полка полковник Воскобойников получил приказ контратаковать фашистов силами 2-го батальона в направлении деревни Власовки. Под ураганным огнем 2-й батальон под командованием старшего лейтенанта Урусова контратаковал противника, занявшего Власовку. Безудержно храбрый и горячий комбат Урусов бежал в первых рядах атакующего батальона, но на окраине деревни пуля фашистского снайпера оборвала его жизнь. Вместе с 22 погибшими командирами и курсантами он был похоронен у деревни Малая Россошка под Сталинградом... В бою за Власовку у Малых Россошек участвовали 2-й батальон курсантского полка под командованием старшего лейтенанта Урусова и 2-й батальон 35-й гвардейской дивизии под командованием Рубена Ибарури. Оба комбата пали в один и тот же день, 24 августа 1942 года» [5].

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что акцентирование в том или ином субъекте прежде всего его человеческой природы позволяет структурировать антропологические представления, атрибутировать обращение к нарративным и документальным источникам. Прием закономерно используется при создании художественных произведений, основанных на реальных событиях и фактах, а также текстов в жанре очерка, документальной и мемуарной прозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батчаев М.Х.-К. Рецензия на книгу мемуаров Урусовой А.М. «Ёмюр таньшланы сагъыныу» (Воспоминания о современниках). (Из личного архива А. Урусовой). 1975.
2. В мастерской художника слова. Факт и вымысел в художественном произведении на историческую тему. URL:<https://lit.wikireading.ru/48166>
3. Долинина С.Я. Специфика факта литературного произведения в понимании А.Т. Твардовского-редактора // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. № 2. С. 200-204
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Русский язык, 1986. 797 с.
5. Савицкий В., Чотчаев А. Комбат Урусов // Ленинское знамя. 1984.
6. Узденова Ф.Т. Исхак Урусов. Образ музыканта в мемуарах и поэме А. Урусовой «Умолкшая скрипка» // Музыка и время. 2019. № 11. С. 58–60.
7. Урусова А.М. Воспоминания о современниках. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1975. 128 с. (на карач. яз.)
8. Урусова А.М. Умолкнувшая скрипка: стихи и поэма. Черкесск, 1978. 64 с. (на карач. яз.)

Информация об авторе

Узденова Фатима Таулановна, д-р филол. наук, ст. науч. сотр., Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН;
360000, Россия, Нальчик, ул. Пушкина, 18;
uzdenova_kbigi@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

REFERENCES

1. Batchaev M.Kh.-K. Review of the book of memoirs of Urusova A.M. *Vospominaniya o sovremennikakh* [Recollections of contemporaries]. 1975. (In Russian)
2. *V masterskoy khudozhnika slova. Fakt i vymysel v khudozhestvennom proizvedenii na istoricheskuyu temu* [In the studio of the artist of the word. Fact and fiction in a work of fiction on a historical theme]. URL:<https://lit.wikireading.ru/48166> (In Russian)
3. Dolinina S.YA. The specifics of the fact of a literary work in the understanding of A.T. Tvardovsky-editor. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism]. 2018. Vol. 18. (In Russian)
4. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkij yazyk, 1986. 797 p. (In Russian)
5. Savitskiy V., Chotchayev A. *Kombat Urusov* [Kombat Urusov]. *Leninskoye znamya*. 1984 (In Russian)
6. Uzdenova F.T. Isskhak Urusov. The image of the musician in the memoirs and poem by A. Urusova "The Silenced Violin". *Muzyka i vremya* [Music and Time]. 2019. No 11. Pp. 58–60 (In Russian)
7. Urusova A.M. *Vospominaniya o sovremennikakh* [Memories of contemporaries]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1975. 128 p. (In Karach.-Balkar)
8. Urusova A.M. *Umolknuvshaya skripka: stikhi i poema*. [The Silent Violin: Poems and Poem.]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1978. 64 p. (In Karachay-Balkarian)

MEMOIR PRACTICES IN ARTISTIC TEXT (ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF A. URUSOVA)

F.T. UZDENOVA

Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

Abstract. Based on the material of A. Urusova's works, an attempt is made to identify the formal signs and properties of a memoir fact and substantiate the advisability of referring to it in order to represent the author's intention and the suggestive role of primary reality. The literary texts of the poetess, which have a factual basis, have been investigated - starting from the definition of stable meaning-bearing concepts to descriptions of biographical content, the phenomenon of the author's personality has been considered from the standpoint of objectively introducing into the plot fabric of a work of facts that have the necessary information resource, allowing to perceive this or that phenomenon as an unconditional reality, but also as an ethnic marker.

Research methods: structural-typological, linguistic analysis method, semiotic.

Keywords: text, author, Karachay-Balkarian poetry, A. Urusova, memoir fact, documentary, ethnic component

The article was submitted 30.11.2021

Accepted for publication 14.12.2021

For citation. Uzenova F.T. Memoir practices in artistic text (on the example of the works of A. Urusova). News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS. 2021. № 6 (104). Pp. 260–267. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-6-104-260-267

Information about the author

Uzenova Fatima Taulanovna, Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street;

uzdenova_kbigi@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>